

БЕЛИНСКИЙ В КРИТИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ АННЕНСКОГО

Г. ПОНОМАРЕВА

В конце XIX — начале XX в. в модернистской критике, занимавшейся переоценкой ценностей, начинает распространяться мысль о том, что критика В. Г. Белинского устарела и имеет свое значение лишь для школьного курса русской словесности. Так, В. В. Розанов в статье «50 лет влияния (Памяти В. Г. Белинского)» (1898) замечает: «Умственное наследие Белинского уже подернулось археологическою ветхостью, как несколько принужденно мы читаем теперь и его современников — В. Боткина, Герцена, Грановского. Все это

... пленной мысли раздраженье

не волнует нас и сохраняет лишь исторический интерес»¹. Вместе с тем, Розанов рассматривает Белинского как критика, играющего важную роль в мировоззрении юношества: «Белинский, дав необозримое множество литературных разборов, сохраняет более классное значение; т.е. для класса, для "учащегося"» вообще, и в жизни каждого из нас он захватывает влиянием отрочество, юность и вообще годы нашего ученического "странствования"².

В развенчивающей критика скандально-знаменитой статье Ю. И. Айхенвальда «Белинский» (1913) подчеркивается противоречивость Белинского, постоянно меняющего свои убеждения и расшатывающего убеждения читателей. Все ценное в его статьях объявляется заимствованным у его современников. Главная же вина Белинского, с точки зрения критика-импрессиониста, в том, что он «расчистил дорогу публицистической критике, пагубному течению тенденциозности; законным сыном Белинскому приходится Писарев и эпигоны последнего — это их общие потомки, и до сих пор не прекратившееся ребяческое разрушение эстетики — это их общее дело, общее

наследство...»³ Одновременно Айхенвальд отмечает и положительные стороны его деятельности, например, говорит о благотворном влиянии Белинского на преподавание русской литературы в школе: «Он был писатель и читатель, он умел находить слова о чужих словах, и хотя себя он не собрал, не свел своих концов с концами, не поправил своих ошибок, однако не только от его дурного, но и от его хорошего рассыпались мысли, рассеялись по русской земле яркие искры; и хотя многих он сбил с толку, но иных он также обогатил, и он сделался патроном русской словесности. Дух его витал в классах нашей школы, носился над тетрадами наших сочинений и через этих учителей, о него зажигавшихся, на него молившихся, проникал в юношеские сердца»⁴. Необходимо при этом отметить, что сам Айхенвальд был профессиональным учителем, и его статья против Белинского была бунтом человека, происходившего из среды горячих приверженцев критика.

Одной из особенностей Анненского-критика является то, что он не упоминает литературоведов и критиков, оказавших творческое воздействие на становление его критического метода. В «Книгах отражений» ни разу не называются имена О. Уайльда, А. Григорьева, А. Потемни, акад. Веселовского. Белинского в «Книгах отражений» Анненский все же касается, хотя и мимоходом, что свидетельствует об определенном интересе к деятельности критика. В связи с этим, для исследователя представляют большой интерес педагогические статьи и многочисленные рецензии, где Анненский неоднократно обращается к статьям Белинского. Как члену Ученого комитета Анненскому приходилось писать отзывы на учебники и учебные пособия по русской литературе. Он рецензировал две книги, посвященные Белинскому: хрестоматию А. Н. Сальникова «В. Г. Белинский о поэзии» (1898) и учебное пособие В. Покровского «Белинский как критик и создатель истории новой русской литературы» (1899).

Анненский считал, что хрестоматию Сальникова нельзя использовать в школе, поскольку составитель помещает отрывки под изобретенными им самим заглавиями, отсутствуют ссылки на издание, том, страницу и, чтобы проверить точность цитаты, читателю, по словам Анненского, пришлось бы перерывать все собрание сочинений Белинского⁵.

Отметим, что в конце XIX в. большинство учителей русской словесности придерживались мнения, что в школе лучше давать избранные отрывки из статей Белинского, чем статьи полностью. Например, Л. И. Поливанов подготовил популярное издание сочинений А. С. Пушкина, с комментариями и критическими отрывками статей о писателе, в том числе и Белинского. По словам Поливанова, Белинский сильно отклоняется в сторону, поэтому избранные отрывки имеют даже большую ценность, если издатель отобрал их целенаправленно. В результате читатель получает «превосходный эстетический комментарий», лишенный публицистических трактатов и тенденциозности⁶. Анненский также считает, что статьи Белинского следует изучать в отрывках, однако критикует хрестоматию Сальникова за некорректность подачи материала.

Пособие В. Покровского было, с точки зрения Анненского, более удачным: «Книжка г. Покровского содержит много интересных и хорошо сгруппированных фактов»⁷. Особое внимание Анненского привлекла первая глава, где подобраны отзывы Белинского о начинающих писателях: Гончарове, Достоевском, Тургеневе, Майкове, Григоровиче. Эта часть книги была близка Анненскому, поскольку в его статьях, посвященных Гончарову, Майкову, Достоевскому, говорится об оценке и поддержке Белинским творчества молодых писателей.

В ранней статье «Гончаров и его Обломов» (1892) Анненский пишет о Белинском и Добролюбе: «Гончаров имел двух высокоталантливых комментаторов, которые с двух различных сторон выяснили читателям его значение»⁸. Анненский приводит, в основном, оценки Белинским творчества Гончарова. Более того, все оценки Белинским гончаровского творчества взяты из статьи Гончарова «Лучше поздно, чем никогда (Критические заметки)». Что за этим стоит? Недобросовестность Анненского, которому было недосуг заглянуть в 12 томов собрания сочинений В. Белинского, или сознательная позиция?

Анненский почти не говорит о статье Добролюбова «Что такое обломовщина?». И. Подольская справедливо отмечает, что «в первом периоде творчества Анненский совершенно сознательно избегает социального анализа и именно в связи с этим делает свой единственный выпад против демократической критики» (КО. С. 514). Иссле-

довательница имеет в виду высказывание Анненского об односторонности оценки Добролюбовым образа Обломова (см.: КО. С. 266—267). В статье «Лучше поздно, чем никогда» Гончаров раскрывает скрытый в его произведениях смысл, их значение-идею. Писатель считал, что эту работу мог бы сделать и сделал бы рано умерший Белинский, лучше всех понимавший его концепцию. Для Анненского же важно было не только учесть отзывы критики, но и соотнести их с оценкой романистом своего творчества.

В статье «А. Н. Майков и педагогическое значение его поэзии» (1898) Анненский отмечает одобрение Белинским ранней поэзии ученика Гончарова А. Майкова. «На первой ступени своего творчества он был под безусловным и исключительным влиянием античного мира — природа возрождалась в его фантазии в виде живого соединения живых олицетворений, и он складывал из них то в гекзаметрах, то в важных сенариях свои первые картинные пьесы. Эти опыты юноши 17, 18, 19 лет заслужили в свое время похвалу такого чуткого ценителя поэтической правды, как Белинский, и действительно, если мы дивились свежести таланта Майкова в старости, то нельзя не подивиться и ранней зрелости этого таланта: мы не найдем в его томах ни беспредметных порывов юности в виде целых пьес, ни прилежных и робких подражаний любимым образцам — перед нами сразу выступает поэт, точно Паллада, вышедшая во всеоружии из Зевсовой головы. Кто поверит, что классический призыв написан, когда поэту было 17 лет, а "Сон" — 18-летним юношей» (КО. С. 283—284).

Белинский в статье «Стихотворения Аполлона Майкова» особо выделял его стихотворения в древнем духе и антологическом роде: «Это перл поэзии г. Майкова, торжество таланта его, повод к надежде на будущее его развитие»⁹. Критик оценивал юношеские стихи Майкова как поэзию зрелого мастера: «В антологических стихотворениях г. Майкова стих — просто пушкинский, нет неточных эпитетов, лишних слов, натянутых или изысканных выражений, нет полутона фальшивого: в них он — истинный, глубокий и притом *опытный, искушенный* художник, в руке которого не дрожит резец и не дает произвольных штрихов»¹⁰. Оценка Анненским юношеского творчества А. Майкова очень близка к отзывам Белинского о стихах Майкова.

Писать о том, как понимал Анненский отношение Белинского к творчеству молодого Достоевского труднее всего, поскольку в эссе «Господин Прохарчин» Белинский упоминается мимоходом.

Об истории выхода в свет повести «Господин Прохарчин» и ее восприятии современниками Анненский пишет мало. Это «третья повесть о бедном чиновнике» (КО. С. 27), о которой «говорили немного — "хвалят", писал автор брату» (КО. С. 27). Общеизвестно, что критика повесть не хвалила. В. Н. Майков был единственным критиком, который положительно отозвался о «Господине Прохарчине» в статье «Нечто о русской литературе в 1846 году». В. Белинский в обзорной статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» отметил, что появление «Господина Прохарчина» в «Отечественных записках» привело «всех почитателей таланта г. Достоевского <...> в неприятное изумление»¹¹. Белинский назвал повесть «странной», писал о ее «вычурности, манерности, непонятности». Кто же тогда хвалил повесть? Поклонники? Друзья? Анненский замечает: «Когда вышел Прохарчин, Белинского не было в Петербурге, а *claqueurchaffeur* Достоевского, Григорович, кажется, не особенно муссировал Прохарчина» (КО. С. 27). Видимо, Анненский переходит на точку зрения Достоевского, болезненно-самолюбивого, неуверенного в себе, которому именно в момент выхода повести было необходимо одобрение, похвала. И, конечно, нужна была поддержка такого влиятельного критика, как Белинский, несмотря на то, что отношения между ними ухудшились и Белинский все больше разочаровывался в молодом писателе. Понятно, что вернувшись в Петербург, Белинский резко отозвался и о Прохарчине, но совсем другой рецензии ждал от него Достоевский. Анненский отмечает: «В свое время Прохарчина никто не понял» (КО. С. 35). Среди этих «никто» был и Белинский.

Вернемся к учебному пособию Покровского. При анализе этой книги Анненский, говоря о связи Белинского с критиками-современниками, отмежевывается от двух крайностей, присущих авторам работ о Белинском: с одной стороны, многие идеи критика казались заимствованными у его более образованных современников, а с другой стороны, то убеждение, что Белинский был полностью независим в своих суждениях от других авторов критических статей. «Надо также отметить значительную долю суждений, обнаруженную автором при сопоставле-

нии Белинского с другими критиками. Яркость таланта Белинского не мешала г. Покровскому оттенить достоинства и отметить влияние Мерзлякова, Полевого, Надеждина <...> Очень обстоятельно и объективно охарактеризован у г. Покровского и Шевырев <...> Рядом с этим без излишнего пафоса, но убедительно указывая на историю, оправдавшую многие из мнений Белинского, г. Покровский сопоставляет взгляды этого последнего на Бенедиктова, Тургенева и Достоевского с суждениями о них же Шевырева»¹².

Отмечая достоинства книги Покровского, Анненский вместе с тем иронически относится к противоречивости взглядов ее автора. Пособие предназначено для гимназистов, но его создатель считает, что не все сочинения Белинского нужны для школы. «Очевидно, что тем самым г. Покровский определяет и положение своей книжки в наших школах: правильно ли передавать ее в ученические библиотеки, если ошибочные взгляды критика в ней подробно излагаются»¹³, — замечает Анненский.

В своей рецензии Анненский касается и той части книги, которая посвящена недостаткам критики Белинского, его ошибкам «в оценке произведений русской народной поэзии и книжной словесности древнего периода, а отчасти и новых произведений <...> г. Покровский старается при этом объяснить критические недочеты Белинского недостатком сведений его в области народной письменности <...>, а также слабостью научной разработки предмета в его время. Но автор не закрывает глаз и на недостаточную продуманность, на субъективность или зыбкость некоторых из суждений Белинского»¹⁴.

По-видимому, Анненский, учитывая слишком критический взгляд Покровского на «погрешности» Белинского, все же разделял его точку зрения о негативном отношении Белинского к фольклору. В эссе «Бальмонт-лирик» Анненский замечает: «Уже Белинскому ничего не говорила народная поэзия» (КО. С. 94).

Негативные высказывания о фольклоре, действительно, встречаются в статьях Белинского. Так, в статье о Пушкине Белинский противопоставляет богатство и мастерство его поэзии скудности и грубости народных песен¹⁵. Однако Б. Ф. Егоров справедливо указывает, что «Анненский не учитывает эволюции Белинского в его отношении к фольклору и всей сложности его оценок в общей систе-

ме взглядов критика <...> Белинский допускал иногда в полемическом задоре резкие выпады против превознесения народного творчества в ущерб индивидуальной литературе нового времени и против современных подражаний фольклору <...> Однако следует учитывать и его историчные, серьезные очерки устного народного творчества» (КО. С. 593).

Если, по мнению Анненского, Белинский был равнодушен к фольклору, то к числу недостатков критика он относит и слабое знание античного мира и классических языков. В другой рецензии на составленное В. Покровским пособие «Сокращенная историческая хрестоматия» Анненский подчеркивает, что для гимназистов, изучающих древние языки, трактовка античности Белинским прозвучит упрощенно: «Перед учениками классической гимназии странно характеризовать античный мир по Шиллеру, в разъяснениях Белинского, Стоюнина и Водовозова»¹⁶. В отзыве на хрестоматию Сальникова «Белинский о поэзии» Анненский отмечает небрежность составителя: «Греческие слова, напечатанные у Белинского с ошибками, написаны с еще большими ошибками в книге г. Сальникова»¹⁷.

Мне представляется необходимым затронуть сложный и до этого остававшийся не разработанным исследователями вопрос об отношении к критике В. Г. Белинского в проекте программы по русской литературе, который разрабатывался в 1905 г. специально созданной комиссией из членов Ученого комитета под председательством Анненского. В программе была сделана смелая попытка ввести научный элемент в школьное образование. В нее были внесены элементы поэтики акад. А. Н. Веселовского. По словам Д. Мотольской, «огромный историко-литературный курс, перенесенный в школу из университета, говорит о попытке приобщить школу к современному состоянию литературной науки»¹⁸. К сожалению, проект программы проник лишь в старшие классы реальных училищ, а не гимназий, так как не был утвержден министерством.

К началу XX в. учебные планы по русской словесности, составленные в 1890 г., начинают устаревать. «Бывший министр народного просвещения тайный советник Г. Э. Зенгер издал 4-го ноября 1903 года циркуляр по округам о предполагаемом расширении курса русской словесности в VIII классе гимназии и VII дополнительном классе

реальных училищ»¹⁹. По словам Зенгера, предварительная работа по расширению курса русской словесности проводилась и ранее. Были две комиссии при бывших министрах просвещения Н. П. Боголепове и П. С. Ванновском. Затем из состава последней комиссии была выделена подкомиссия под руководством проф. Кирпичникова, планировавшая включить в программы ряд произведений писателей второй половины XIX в. Зенгер предложил Ученому комитету обсудить вопрос о введении в 1903/1904 учебном году произведений писателей второй половины прошлого века. Министром был представлен список произведений. Поскольку Ученый комитет решил, что вопрос об изменении программы нужно обсудить в педагогических советах школ и попечительских советах учебных округов, то вопрос был передан для рассмотрения на местах.

Через некоторое время в департамент начали поступать отзывы. Была назначена комиссия, в которую вошли В. В. Сиповский, И. А. Шляпкин и И. Ф. Анненский. Председателем ее был назначен И. Ф. Анненский²⁰. Кроме рассмотрения отзывов комиссия также занималась составлением проекта программы по курсу русской словесности и объяснительной записки к ней. С такой запиской выступил один из членов комиссии — В. В. Сиповский, однако мнение, изложенное в ней, было коллективным. Когда при обсуждении проекта программы проф. А. С. Архангельский заметил, что один из ее авторов проф. Шляпкин раньше придерживался другого мнения, то последовал ответ Шляпкина: «Программа, выработанная в ученом комитете, представляет не механическую сумму мнений членов комиссии, а результат работы и членов комиссии, и членов ученого комитета и поэтому отдельные лица не являются ее авторами. Личные мои взгляды в некоторых случаях совершенно противоположны коллективному мнению в программе. К этому заявлению присоединяются и мои коллеги по комитету И. Ф. Анненский и В. В. Сиповский»²¹.

В первоначально составленном Зенгером списке высказывалось пожелание ознакомления «учеников с избранными страницами русских критиков (Белинского, Ап. Григорьева, Добролюбова, Страхова и др.)»²². В некоторых отзывах предлагалось знакомить гимназистов с представителями публицистической критики: Белинским, Добролюбовым, Писаревым. В объяснительной записке В. Сипов-

ского требование включить публицистическую критику в проект программы решительно отвергалось. Сиповский обстоятельно объяснил, почему нежелательно изучение одного из самых ярких критиков-публицистов Белинского в школе: «Белинский не может быть предметом изучения вследствие неустойчивости его взглядов (несколько раз коренным образом менялись его взгляды хотя бы на Пушкина), вследствие ошибочности некоторых его мнений, достаточно оцененных научной критикой, наконец, даже вследствие недостаточности его знаний (народная поэзия, русская литература XVIII в. и западноевропейская). Какое значение для средней школы может иметь изучение писателя, которого на каждом шагу должно изобличать? Отдельные верные характеристики, им сделанные мнения и мысли по разным вопросам русской литературы должны быть введены в курсы попутно при прохождении Жуковского, Пушкина, Лермонтова и др.»²³.

Критика Писарева отвергается с той же формулировкой: «Писарев точно так же неудобен в средней школе по тем же соображениям, отдельные же мнения его по поводу того или иного сочинения точно так же могут быть введены в курс»²⁴.

Примером попутного введения русской критики при прохождении русской литературы в школе может служить курс VII класса, где в части программы, посвященной Гоголю, скромное место отводилось и Белинскому: «Гоголь и Белинский как представители двух различных мирозерцаний»²⁵. В обстоятельной рецензии проф. А. Архангельского на проект программы этот пункт вызвал критические замечания: «Белинский вносится в "программу" не как критик, и притом гениальный, более чем кто другой помогший русской литературе сознательно и твердо стать на новый путь самостоятельного, национального развития, вполне усвоить себе то "новое, истинное направление", к которому стремился Пушкин, — а лишь представитель другого "мирозерцания", "отличного", сравнительно с тем, на почву какого стал Гоголь в своей "Переписке с грузьями"»²⁶. Архангельский негативно отнесся и к мнению комиссии о том, что критика Белинского не подходит для средней школы: «<... > Чуть ли не каждый ученик, уже с VI-VII класса, сам, непосредственно, знакомится с Белинским, уже с VII класса начинает прибегать к нему, в виду того или другого "заданного" сочинения

<...> — когда к Белинскому отсылает за тем же иногда и сам преподаватель <...> как-то странно было бы не остановиться в проектируемой гимназической "программе" по русской литературе на писателе, который уже давно и более, чем какой другой, фактически известен ученикам»²⁷.

Проект программы 1905 г. остался в тени, поскольку не был принят, но отношение его составителей к теме «Белинский в школе» было куда жестче, чем у критиков-модернистов (Розанова, Айхенвальда).

По-видимому, отношение самого Анненского к вопросу «Белинский в школе» было достаточно сложным. В архиве Анненского хранятся «Записки о преподавании методики русского языка и о курсе словесности в женских гимназиях». Вероятно, они относятся ко времени составления комиссией проекта программы, поскольку в программе мы находим раздел «новый курс» и следующую запись о критике: «В. Г. Белинский. Его личность, московский и петербургский периоды жизни и философские влияния. Свойства критического таланта: способность переживать самые разнообразнейшие художественные произведения; умение давать одушевленное и типическое изложение; осторожность в эстетических оценках»²⁸. Этот курс словесности предназначался для VIII (дополнительного, с педагогическим уклоном) класса женских гимназий. По-видимому, первоначально предполагалось дать представление о Белинском в большем объеме, но нужно учесть и то, что проект программы 1905 г. разрабатывался для мужских, а не женских гимназий, о которых идет речь в «записке».

Анненский как педагог опасался влияния отрицательных черт Белинского-человека и Белинского-критика на еще не полностью сформировавшихся гимназистов. Говоря в статье «Гончаров и его "Обломов"» об исключительно доброжелательных воспоминаниях Гончарова («Заметки о личности Белинского»), Анненский пишет о критике как об исключительной натуре, но одновременно упоминает о его самолюбии, любви к спорам, «часто обидных парадоксах и резких приговорах» (КО. С. 258). Этих личностных качеств Белинского, перенесенных в его критику, и опасался Анненский. В рецензии на составленную Ю. Н. Верещагиным книгу «Темы и задачи по истории и теории словесности: Пособие для составления сочинений и ли-

тературных бесед» Анненский обращает внимание на то, что часть тем, предлагаемых гимназистам, носит отрицательный характер. «В нашем историко-литературном, а отчасти историческом курсе словесности есть, к сожалению, давняя замашка ставить учеников в положение, не соответствующее ни их возрасту, ни их познаниям, а именно в положение критиков: Лессинг и Белинский оказали на наши учебные курсы влияние не только своими идеями и тонкостью своего эстетического понимания, но и полемическим жаром, который был совершенно законен в их сочинениях, но ничем не оправдывается в русских гимназистах, а тем паче в их наставниках»²⁹.

Проблема «Белинский в школе» вырастает из общего отношения Анненского к русской критике и к Белинскому как одному из самых талантливых ее представителей. Среди русских критиков XIX в. Анненскому были близки имена А. Григорьева и В. Белинского. Он ценил ростки эстетической критики в статьях А. Григорьева, его привлекала деятельность Белинского первого периода творчества, когда тот руководствовался прежде всего законами эстетики и приучал русского читателя предьявлять к художественному произведению эстетические критерии. Анненский не мог не симпатизировать пропаганде эстетических идей, которую ранний Белинский считал одной из задач критики: «Цель русского критика должна состоять <...> в том, чтобы распространять в своем отечестве уже известные, *оседлые* понятия об этом предмете»³⁰. Анненскому была близка эмоциональность критического стиля Белинского, заражавшая читателей. Но Белинский второго периода, способствовавший сближению литературной критики с публицистической, был далек от воззрений Анненского на задачи критики.

Конечно, русское академическое литературоведение (Потебня, акад. Веселовский) и западноевропейская критика (Уайльд, Гурмон) оказали большее влияние на формирование критического метода Анненского, нежели русская критика XIX в. Целостная эстетическая система Белинского была достаточно далека от Анненского. Однако обращение к теме дает возможность понять амбивалентное отношение Анненского к Белинскому. В результате мы получаем более полную картину отношения к Белинскому модернистской критики, в которую включена и не лишенная противоречий точка зрения Анненского.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Розанов В. 50 лет влияния (Памяти В. Г. Белинского) // Русское обозрение. 1898. N 5. С. 282.
- 2 Там же.
- 3 Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. М., 1994. С. 506.
- 4 Там же. С. 511.
- 5 См.: <Анненский И.> А. Сальников (сост.). В. Г. Белинский о поэзии. СПб., 1898 // ЖМНП. Ч. 327. 1900. Янв. 3. паг. С. 8—9.
- 6 Сочинения А. С. Пушкина с объяснениями их и сводом отзывов критики. Т. 1. Лирические стихотворения. М.: изд. Л. Поливанова, 1887. С. VIII—IX.
- 7 <Анненский И.> В. Покровский. В. Г. Белинский как критик и создатель истории новой русской литературы. М., 1898 // ЖМНП. Ч. 333. 1901. Февр. 2. паг. С. 30.
- 8 Анненский И. Гончаров и его Обломов // Анненский И. Ф. Книги отражений. Л., 1979. С. 252. Далее ссылки на «Книги отражений» даются в скобках: (КО. С.)
- 9 Белинский В. Г. Стихотворения Аполлона Майкова. СПб., 1841 // Белинский В. Г. Собр. соч.: В 13 т. Т. 6. М., 1955. С. 9.
- 10 Там же. С. 28.
- 11 Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1846 года // Белинский В. Г. Собр. соч.: В 13 т. Т. 10. М., 1956. С. 41.
- 12 <Анненский И.> В. Покровский. В. Г. Белинский как критик и создатель истории новой русской литературы. . . С. 30.
- 13 Там же. С. 30.
- 14 Там же. С. 30—31.
- 15 Белинский В. Г. Собр. соч.: В 13 т. Т. 7. С. 349.
- 16 <Анненский И.> В. Покровский (сост.). Сокращенная историческая хрестоматия. Пособие при изучении русской словесности. М. 1898 // ЖМНП. Ч. 328. 1900. Март. 3. паг. С. 13.
- 17 <Анненский И.> А. Сальников (сост.). В. Г. Белинский о поэзии. . . С. 10.
- 18 Мотольская Д. К. Исторический обзор методики преподавания литературы в дореволюционной школе // Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена и ГИППА. Т. II. Фак-т яз. и л-ры. Вып. 1. Л., 1936. С. 97.
- 19 От ученого комитета министерства народного просвещения // ЖМНП. Ч. 360. 1905. Июль. С. 40.
- 20 Там же. С. 44.

- 21 Шлялкин И., проф. По поводу рецензии проф. А. С. Архангельского // ЖМНП. Нов. серия. Ч. 4. 1906. Июль. 4. паг. С. 30.
- 22 От ученого комитета министерства народного просвещения // ЖМНП. Ч. CCCLX. 1905. Июль. С. 43.
- 23 От ученого комитета министерства народного просвещения 3. Записка члена ученого комитета В. В. Сиповского по вопросу о введении в курс истории русской словесности новейшей русской литературы // ЖМНП. Ч. 360. 1905. Август. С. 120.
- 24 Там же. С. 120.
- 25 Записка члена ученого комитета В. В. Сиповского. . . С. 139.
- 26 Архангельский А. Заметки на программу по истории русской литературы и теории словесности // ЖМНП. Нов. серия. Ч. 3. 1906. N 6. Июнь. Отд. 4. С. 65.
- 27 Архангельский А. Заметки на программу по истории русской литературы и теории словесности // ЖМНП. Нов. серия. Ч. 4. 1906. N 7. Июль. С. 14.
- 28 Анненский И. Ф. Заметки о преподавании методики русского языка и о курсе словесности в женских гимназиях // РГАЛИ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 217.
- 29 <Анненский И.> Ю. Верещагин. Темы и задачи по истории и теории словесности: Пособие для составления сочинений и литературных бесед // ЖМНП. Ч. 354. 1904. Авг. Паг. 3. С. 138.
- 30 Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. I. С. 285.